

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94/99 (460)

*О.А. Жеравина***СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ
САЛАМАНКСКОГО УНИВЕРСИТЕТА XVI в.**

В статье рассматриваются особенности образа жизни различных социальных слоев студенчества в эпоху расцвета Саламанкского университета.

Университетское сообщество всегда отражало особенности социальной среды, в которой существовало, которой подпитывалось и чьи ценности отчасти принимало. Изначальная ориентация на монашеский идеал, сопряженный с принципами духовной концентрации, самоотречения, духовно-интеллектуальной иерархии, скорее, чем социальной, неизбежно сосуществовала в университетской корпорации с реалиями внутренней жизни, определявшимися социальным контекстом времени и места. В университете все вместе и каждый по отдельности принадлежали одной корпорации, пользовались ее привилегиями, подчинялись ее уставам, и при этом каждый ее член имел определенную позицию в цеховой иерархии, не всегда обусловленную лишь уровнем мастерства в ремесле учебы и обучения.

Уставы коллегий одного из старейших европейских университетов – Саламанкского, протоколы его ученых советов, королевские распоряжения, инспекторские отчеты являются источниками, красноречиво свидетельствующими о колоритном и далеко не однородном стиле жизни самой многочисленной его составляющей – студентов Саламанки [1, 2].

Отметим также, что золотой век Саламанкской школы совпал с появлением и расцветом в Испании жанра плутовского романа, внесшего очевидную лепту в формирование образа студента и студенческой жизни крупнейших испанских университетов XVI в. Кричащего, дерущегося, играющего в кости и карты, шеголяющего в модной одежде, легко вступающего в конфликты с представителями закона – этого студента привлекает не столько университет как таковой, сколько развлечения и соблазны городской жизни. Именно этот яркий типаж превращает всю историю студенческой жизни в историю скандальную, где бесконечные проделки плутоватых школяров перемежаются картинами гротескно беспроектных условий их существования.

На таком фоне бледным и неинтересным выглядело бы повествование о прилежном студенте, с одинаковым усердием исполняющем свои академические и религиозные обязанности и чей день равномерно распределен между часовой, аудиторией, приемом пищи и сном. В Саламанке на берегу Тормеса навеки изваяна трогательная фигурка Ласарильо – собрата плута Паблоса и их многочисленных прототипов – беспутных школяров, бродяг, недоучившихся студентов.

Но открывающаяся выше и ни с чем не сравнимая величественная панорама старинного университетского

города – это памятник тому усердному труженику науки, чьей доблестью и создавалась Саламанка.

Важно не поддаваться обаянию реализма определенного литературного жанра и обратиться к реалиям историческим.

Среди различных социальных групп весьма немногочисленной в университете была представлена высшая аристократия Испании. Старшие сыновья в этом кругу обычно получали домашнее воспитание, учиться отправляли младших. В некоторых семьях все же сложилась традиция получать именно университетское образование, но в основе этого лежал не интерес к какой-либо профессиональной деятельности, а стремление получить определенный уровень культуры.

Испанская аристократия чаще всего поступала в университеты Саламанки и Алька-де-Энарес как в силу их наибольшей известности, так и из-за высокой репутации их преподавателей в XVI в.

Благодаря своим Старшим коллегиям Саламанкский, весьма демократический по характеру университет, обретает в XVI в. определенный аристократический дух. Благородные персоны записывались в университет по отдельным спискам, и именно из числа этих студентов обычно выбирали ректоров.

О жизни этой элитарной группы студентов в Саламанке свидетельствует любопытный документ, который приводит известный знаток истории университетов Испании В. де ла Фуэнте. Это – наставления, которые Дон Энрике де Гусман, посол в Риме, давал своему сыну, Дону Гаспару де Гусману, отправляя того учиться в Саламанку [3]. Речь идет о Гаспаре, будущем графе Оливаресе, знаменитом фаворите Филиппа IV.

Этот студент жил в снятом для него доме с многочисленной прислугой. В его распоряжении были наставник, гувернер, обучавший его латинской грамматике, восемь пажей, три комнатных слуги, слуги для выезда, четыре лакея, шеф-повар, кондитер и две домашние служанки. То есть в целом 24 человека.

Отец давал подробные наставления, как быть хорошим христианином, соблюдая праздничные дни, посещая мужские монастыри. Вменял в обязанность не забывать о подаении, монастырям, нищим или бедным студентам. По указанию Дона Энрике это подаение должно было составлять десятую часть ежемесячных расходов по дому.

Детально расписывались им также повседневные обязанности прислуги именитого студента. Так, по утрам

слуга Дона Гаспара должен был занимать для него место в аудитории, как это делали те, кто находился в услужении у богатых студентов. Место следовало занять в начале скамьи, держать его накрепко, не уступая никому и избегая при этом, как и во всем другом, соперничества и споров. Передавая это место своему господину, слуга также слушал лекцию, чтобы в конце ее забрать книги, тетрадь и письменные принадлежности.

Другие слуги вместе со своими собратьями, также вовлеченными в занятия своих господ, обычно ожидали во внутреннем дворе, когда после окончания утренних занятий прозвучит университетский колокол, возвещающий час обеда.

Хорошо знавший Саламанку, сам ее бывший студент и даже ректор, Дон Энрике обращает внимание сына на весьма важные детали. Так, за столом, по его совету, не следовало злоупотреблять местной водой, ибо, несмотря на ту тщательность, с какой Альфонс Мудрый выбирал когда-то место для будущего университета, руководствуясь требованиями к его гигиеническим условиям, вода благородного города Саламанки была не совсем хороша для студентов. Недаром говорилось, что Саламанка была местом, «где кувшин воды обычно разрушал человека». Как отмечал один из современников Дона Энрике, «начав пить холоднейшую воду Тормеса и есть тот вкусный хлеб, я покрылся чесоткой, как это происходит с изрядными едоками. Эта беда случается обычно с новичками в Саламанке; «ибо, так как хлеб здесь белый, высшего сорта и хорошо приправленный, а вода – слабая и холодная, не отдавая себе отчета, они едят и пьют до того, что одни покрываются язвами, другие – жиром» [3].

Впрочем, благородному и хорошо опекаемому студенту едва ли следовало особо опасаться попасть в подобную ловушку; благодаря предусмотрительности его отца, снабдившего его собственной кухней, юный Оливарес больше пил хорошее вино, чем воду, и хлеб ему не приносил никакого вреда, каким бы белым и хорошо испеченным он ни был.

Вернувшись домой из университета после утренних лекций, в 11 часов зимой и в 10 часов летом следовало накормить слуг, а Дону Гаспару – заняться игрой в крокет или кегли. «После обеда он может развлечься, но не следует заниматься чем-то тяжелым. Можно почитать самому, или читать ему может наставник те книги, знание которых позволит ему во многих ситуациях быть на высоте». Ни в коем случае, предостерегал отец, «нельзя играть в кости, поскольку тем самым он нанесет урон праведной жизни и примеру, который он должен подавать».

Слуга Гусманов днем снова будет присутствовать на занятиях и после окончания их будет беседовать с докторами и другими серьезными людьми, приходя, как и его господин, также к «посте». Согласно обычаю преподавателя, закончив занятие на кафедре, становился рядом с одной из колонн внутреннего дворика, чтобы ответить на вопросы, которые после его объяснений могли задавать ему студенты.

Отец рекомендовал, чтобы в этих беседах и во всех прочих его сын «был благоразумным и очень сдержанным, проявлял большой такт и скромность. Говорить должен мало; соблюдать должен на деле все, о чем гово-

рилось выше, чтобы тем самым завоевать репутацию человека благоразумного и осмотрительного».

После этого возвращались домой и полдничили. «Когда пробьет шесть вечера, следует обратиться к занятиям, которые длятся три часа, до девяти вечера. В это время занимаются повторением тех уроков, что дают наибольшую пользу. Прочие достаточно иметь написанными; каждый день запоминать по шесть начал оттуда, с их заключениями, и в конце года это очень пригодится тому, кто будет повторять их много раз».

После ужина следует побеседовать с прислугой, помолиться со своим гувернером или наставником и рано лечь спать.

Порядок в доме богатого студента поддерживался целым штатом прислуги – одни отвечали за покупку одежды и содержание ее в приличном виде, другие – за покупку съестного и приготовление пищи, третьи – за выезд, для чего содержались у Дона Гаспара целых три мула (притом, что уставы Саламанки предусматривали для студентов только пешее передвижение по городу!).

В таких условиях жилось достойно не только самому господину: Дон Энрике наказывал хорошо и без задержек платить слугам, а также покупать им одежду и каждый месяц – обувь. Обо всех расходах, о новостях и здоровье молодого хозяина еженедельно сообщать письменно вменялось в обязанность наставнику, дабы сам студент не тратил драгоценное время учебы на составление отчетов отцу.

В этих отцовских «Наставлениях» юному графу Оливаресу схематически расписана повседневная учебная жизнь примерного и хорошо обеспеченного студента. Разумеется, жизнь большей части саламанкского студенчества не укладывалась в столь определенные рамки благополучной добродетели.

Если немногочисленные представители знатных семей проживали с прислугой в собственных или снятых для них домах, то студенты более скромного происхождения находили приют в домах университетских преподавателей.

Значительную часть студентов Саламанки составляли те, кто стремился с помощью университетского образования найти достойное место в жизни. Для многих это было единственным способом подняться по социальной лестнице, сделать карьеру или хотя бы удержаться на плаву. Здесь пытались обрести себя выходцы из самых разных социальных слоев – от мелкого дворянства, муниципального чиновничества до детей крестьян. Встречались среди них любители риска, мошенники, искатели приключений, различного рода странники. В целом обустройство жизни небогатых студентов в Саламанке происходило по-разному.

Если немногочисленные представители знатных семей проживали с прислугой в собственных или снятых для них домах, то студенты более скромного происхождения находили приют в домах университетских преподавателей.

Это были «пупилос» (пансионеры), жившие в доме своего учителя, «пупилеро» (хозяина пансиона), запечатленного Кеведо в известном образе лиценциата Кабры. Этот скупой хозяин, как водится, два раза в день кормил пансионеров ольей – горячим блюдом из мяса с овоща-

ми, и черствым хлебом, чтобы те съедали поменьше, и только по субботам давали им требуху и фрукты, но в размере весьма небольшом. Пупилеро, согласно устоявшемуся о них представлению, руководствовались сентенцией о том, что «от обильных ужинов наполняются гробницы».

Любопытно, что в реальности гротескный персонаж скупого пупилеро, – скорее исключение, чем правило в истории Саламанки, где университет тщательно следил за содержанием студентов в пансионах, устраивал регулярные их инспекции. Право опекать студентов давалось при соблюдении определенных требований, и злоупотребления карались лишением лицензии.

В 1538 г. в Саламанке были разработаны специальные предписания, которые предусматривали условия содержания студентов в воспитательно-покровительственном режиме. Такое покровительство доверялось определенному бакалавру в отношении нескольких студентов, которые проживали в его доме, и в отношении коих он осуществлял функции отца и учителя, отвечая за их обучение, воспитание, питание, религиозность, мораль и поступки [1].

Далеко не каждый мог стать хозяином пансиона. В число неперемennых условий для претендента включались: его достойный образ жизни, репутация и поведение. Он обязательно должен был быть старым христианином, иметь степень бакалавра и быть старше 25 лет. И даже всех этих характеристик было недостаточно, чтобы иметь под своим покровительством студентов.

Претендент на роль хозяина пансиона должен был выдержать предварительный экзамен для получения лицензии, а также выполнять тщательно разработанные для подобной деятельности инструкции. Приняв к себе студента, бакалавр обязан был письменно сообщить его отцу, в каких условиях тот будет проживать под его крышей, и сообщить о необходимых расходах. С целью обеспечения надлежащего внимания к каждому студенту решалось иметь их не более 20 под своим покровительством. В среднем в таких пансионах проживало от 5 до 8 студентов, хотя их могло быть и меньше и несколько больше.

Бакалавр должен был отмечать по утрам подъем и готовность студентов к утренним лекциям, будить нерадивых, а вечером – следить, чтобы все усердно занимались, для чего обязан был выдавать каждому по свече на каждую ночь с продолжительностью горения не менее трех часов.

На ночь двери пансиона закрывались зимой – в 6 часов вечера, летом – в 9, и открыть их можно было после этого часа лишь в исключительных случаях.

Женщинам запрещалось появляться в пансионах, и лишь с разрешения канцлера университета можно было нанимать служанок в дома, где проживали студенты. Бакалавр также должен был следить за тем, чтобы его подопечные не играли ни в кости, ни в карты. По воскресеньям дозволялись некоторые спортивные игры.

Неплохим, по материалам проверок и свидетельствам самих студентов, было и питание в этих заведениях. Бакалавры обязаны были давать каждому своему студенту по фунту баранины ежедневно, а также приправленный специями хлеб. На обед подавали фрукты, овощной суп

и блюдо из мяса. Знаменитая оля на самом деле была традиционным и наиболее распространенным блюдом на всем Пиренейском полуострове как для идадьго, так и для крестьян. Любопытно и то, что в Испании в этот период среди видов мяса баранина ценилась выше, нежели говядина или свинина. Ужин также начинался с фруктов, салата. Затем подавали рыбу, мясо или птицу. Студенты получали также десерт на обед и на ужин в виде фруктов, орехов, рисовой каши [4].

Обедали и ужинали за общим столом, бакалавру предписывалось принимать пищу вместе со своими воспитанниками. При этом скатерти полагалось менять дважды в неделю.

Число официально инспектируемых пансионов во второй половине XVI в. составляло в среднем 15, хотя позднее, в силу ослабления контроля со стороны университета, появилось немало пансионов, открывавшихся безо всякой лицензии.

Для некоторых бакалавров содержание школяров было способом зарабатывания денег на оплату собственного обучения на высших факультетах – теологическом, юридическом, медицинском.

Стоимость и качество проживания в пансионах не были одинаковыми во всех случаях, но в целом этот тип обустройства студенческой жизни в Саламанке предназначен был для выходцев из состоятельных семей.

Большее число студентов предпочитало селиться поодиночке или группами, договариваясь с хозяином дома о предоставлении комнаты и обслуживании. Последнее состояло в стирке одежды, уборке помещения, приготовлении пищи. Покупали продукты сами студенты. Они могли питаться также в дешевых трактирах и тавернах. Такие студенты именовались «камаристами» и платили значительно меньше за проживание, чем их товарищи в пансионах. Помимо дешевизны такое обустройство отличалось также большей свободой для студентов, хотя и злоупотреблений со стороны хозяев встречалось здесь немало. Последние охотно чистили карманы постояльцев, оставляя грязными их комнаты, и постоянно обсчитывали их как в деньгах, так и в продуктах.

Значительно хуже жилось в университете той категории студентов, которая именовалась «капигорронес» (они носили плащи и скромные шапочки, по которым их легко было отличить). Кто-то из этих бедных студентов прислуживал своим состоятельным собратьям, занимая по утрам места в аудиториях, выполняя самые различные их поручения. Кто-то зарабатывал на учение перепиской книг и манускриптов.

Этих студентов спасали бесплатные монастырские супы и даже милостыня. В материалах университетских инспекций конца XVI в. отмечается необходимость запрета студентам просить подавание на улицах города, что свидетельствует о распространенности этого явления в Саламанке [5].

С целью помощи нуждающимся студентам в XV в. в Испании возникают университетские коллегии. В XVI в. число их стремительно растет, коллегии переживают период своего наивысшего расцвета. Среди этих заведений особое место занимали старшие коллегии, отличавшиеся особыми привилегиями, королевской и папской протекциями. Из шести старших коллегий, существовавших

на территории Испании (все они находились в Кастилии), четыре были основаны в Саламанкском университете.

Доступ в старшие коллегии был ограничен определенными условиями. Их членами могли стать, по меньшей мере, бакалавры одного из главных факультетов университета, отвечавшие высоким моральным требованиям. Безупречный образ жизни, соответствие идеалу старого христианина (противовес вновь обращенным), статус законнорожденного и бедного студента позволяли надеяться на получение стипендии в этих престижных центрах.

Именно старшие коллегии обладали определенным резервом стипендий для претендентов, сочетавших в себе разнообразные положительные качества. Учитывались при этом интеллектуальные, моральные, физические и материальные данные, а также регион происхождения кандидата. Теоретически посредственности в такие коллегии путь был закрыт.

Жизнь в коллегиях отличалась большей строгостью и дисциплиной, чем в пансионах. Изначально отцы-основатели придерживались идеала монашеского служения избранной стезе: требования целомудрия, бедности и послушания были обязательными для членов коллегий. Течение повседневной жизни строилось на смирении и дисциплине, что проявлялось в распорядке дня, церковных службах, чтении текстов священного писания, благословении пищи.

Распорядок дня, строгие ограничения и дисциплина, молитва и часы занятий, праздники коллегии, скромная одежда, правила приема пищи, запрещение игр – все воспроизводило атмосферу монашеского сообщества.

В старшие коллегии не допускались женатые или помолвленные молодые люди. В случае обнаружения подобного скрытого факта виновный изгонялся из коллегии. Не разрешалось заводить подружек в городе или его округе, за чем было предписано строжайшим образом следить ректору.

Строго наказывалось богохульство, не разрешалось носить оружие, дорогую одежду, танцевать, браниться с товарищами. Внутри коллегий не позволялось говорить иначе, чем на латыни, и, чтобы выйти из них, стипендиаты должны были всегда находиться в сопровождении коллегиала или слуги.

Члены коллегии из своей среды выбирали своего ректора и голосованием – стипендиатов на занятие вакантных мест. Эти претенденты должны были быть молодыми людьми старше 18 лет, с проявленными способностями к учебе, обладающими хорошими качествами, бедностью и чистотой крови. Нельзя было выбирать более одного раза из одной и той же семьи и даже, иногда, из одного и того же города.

Каждый новый член коллегии, давая клятву подчинения ректору и уставу, получал взамен определенные права – на комнату, одежду, пищу, помощь в случае болезни, экономическую поддержку для получения образования.

Образ жизни членов старших коллегий был отличительным знаком избранной группы лиц, предназначенных для которых становились высшие церковные и государственные должности в стране. Для поддержания атмосферы определенной элитарности служили правила, согласно которым двери коллегии закрывались и открывались в определенные часы, посторонние не имели права

оставаться здесь на ночь, а членам коллегии было запрещено ночевать вне ее стен. Открывать двери в неурочные часы можно было лишь в экстренных случаях, например вызванных смертельной болезнью студента, и непременно по разрешению ректора. Нарушители правил строго наказывались вплоть до исключения из коллегии.

Члены коллегии должны были четко следовать установленному распорядку жизни и выполнять определенные обязанности. День начинался с удара колокола в пять утра летом и в шесть – зимой. Уставы некоторых коллегий предписывали ректору лично обходить все комнаты и проверять, все ли поднялись и готовятся идти на занятия.

Утренняя служба собирала членов коллегии и была обязательной для всех. Наказанием за отсутствие на ней служило лишение пищи в течение всего дня.

Совместное принятие пищи было также характерной чертой повседневной жизни старших коллегий. Обедали и ужинали в столовой, устроенной по образцу монастырских трапезных. Здесь все члены коллегии собирались дважды в день – до полудня и вечером, от 5 до 10 ч, в зависимости от времени года. Питание, столь важный компонент повседневной жизни, было детально регламентировано уставами коллегий – от порядка закупки и хранения продуктов, их видов и количества до правил поведения за столом.

Ежедневный рацион состоял в основном из мяса – баранины или говядины, хлеба и вина с водой. К мясу иногда добавляли некоторое количество овощей, фруктов и сыра. В дни поста подавали лишь рыбу и яйца. Зато в праздничные дни порции удваивались или подавалось несколько блюд.

Как отмечает М.А. Собалер Секо, питание в коллегиях, где в обычные дни непременно подавали мясо, отличалось от рациона обычных горожан и испанцев в целом [6]. По мнению А.М. Карабиас Торрес, то, что предлагала своим членам старшая коллегия, было вполне достаточным не только по калориям, но и по необходимым для жизни компонентам. Причем даже в избытке, если учесть огромное число праздничных дней, когда, согласно уставам, рацион возрастал [4].

Размеренное течение повседневной жизни менялось в праздничные дни, каковыми были церковные праздники, праздники коллегии, университета и города. Всем членам коллегии предписывалось участвовать в религиозных службах, процессиях.

Принадлежность к Старшей коллегии подчеркивалась одеждой ее членов. Изначально она напоминала одеяния духовных лиц. Запрещалось использовать шелк, бархат, атлас. Темная сутана из грубого сукна, мантия, берет, простые башмаки выделяли членов старших коллегий в толпе горожан. Между собою члены различных коллегий могли различаться цветом одежд и перевязи, отличительного знака стипендиата коллегии. В Саламанке бурую перевязь поверх бурого плаща, по свидетельству Переса де Меса, носили варфоломеевцы; алую поверх бурого плаща – члены коллегии архиепископа; такого же цвета плащ и лиловую перевязь носили студенты коллегии Овьедо; коллегия Куэнки выделялась своими лиловыми плащами и такого же цвета перевязями [1].

Оттенки одежды также различались в зависимости от ученой степени члена коллегии. В праздничные дни, во время торжественных университетских актов доктора, лиценциаты, бакалавры одевались в соответствии со своим статусом.

По замыслу основателей, стиль жизни старших коллегий во многом напоминал монастырский. С обязательными ежедневными религиозными службами и участием в них студентов. Все члены коллегии как минимум дважды в год исповедовались и причащались. За этим следил ректор, и уклоняющихся ожидало изгнание из коллегии без права на прощение [7]. Религиозное усердие возрастало в моменты драматические и неизбежные. Болезнь, смерть, погребение члена коллегии – столь же неотъемлемые события повседневной жизни.

Больного снабжали лучшим питанием, лечили, не жалея средств. Университетская больница в Саламанке, как ее описывает Перес де Меса, была «огромной и великолепной. Построена она была с тем же величием, что и здания университета. У нее были свои капелланы, экономки, больничные служители и прочий персонал.

Больница имела большие денежные средства, которые тратились только на лечение и на вспомоществование больным студентам. Никто другой, кроме университетских, здесь не лечился. Очень высокое вознаграждение имел доктор медицины, прилагавший все усилия для успешного лечения больных этого заведения. Больница эта, скорее, была похожа на изысканный дом какого-нибудь гранда» [1].

В случае смерти торжественные похороны совершались за счет коллегии и при ее участии. После погребения проводились заупокойные службы по числу членов коллегии, каждый из которых должен был отслужить мессу за упокой души своего товарища.

Осознание принадлежности к коллегии пронизывало само существование его членов не только в период обучения, но и в последующей жизни. Понятие защиты чести коллегии распространялось также и на отдельных ее членов; запрещалось покушаться на честь товарища, его репутацию, предосудительным считалось неуважительное отношение друг к другу. Члены коллегии давали клятву подчиняться ее ректору, соблюдать ее устав и клялись защищать и беречь всю свою жизнь честь, состояние, свободу и превосходство своей коллегии [6].

Жизнь членов старших коллегий, безусловно, отличалась от жизни остальных членов университета. Она была строго регламентирована каждодневно, в течение года и всех лет обучения. Это было обусловлено как высоким общественным предназначением подобных учебных заведений, так и логикой сохранения жизнеспособности и своеобразия самого института.

Вместе с тем реальная повседневность зачастую была далека от идеала, выстраиваемого уставами коллегий или планами их основателей. В скандальной истории средневековой повседневной жизни, столь известной по свидетельствам современников, где студенты шумно веселятся и распутничают, поют и играют в азартные игры; бродят по городу днем и ночью, хвастают модной одеждой, ведут себя компрометирующе по отношению к горожанам, носят оружие и даже применяют его на деле, – в этой истории члены коллегий – далеко не главные персонажи, но вполне реальные и живые.

Любопытен фрагмент автобиографии одного профессора Саламанкского университета, который приводит Х. Гарсия Меркададь: «Я начал труд, который именуется высшим обучением и жизнь члена коллегии, ужасно недовольный и раздраженный, потому что мне хотелось подольше задержаться с волчком и трещоткой. Мне казалось, что было еще очень рано делать из меня мужчину и запирать в меланхолию того домины... Желание моих родителей и поддержка клирика ректора предназначили меня к изучению философии..., я начал учиться, небрежный и не такой робкий, ибо уже считал себя свободным от наказаний, хозяином своей воли и абсолютным господином своих действий и сумасбродств.

Я приходил поздно и неподготовленным на лекции, относился без внимания к урокам, резвился и смеялся со своими товарищами, прикидывался шутком и вел себя бесстыдно с новичками, и занимался мошенничеством, бесстыдник и балагур со всеми, не принимая серьезности преподавателя...

Погруженный в досуг и скандальные волнения, и оставшись лишь с обязанностью ассистировать на кафедре риторики, что было условием моей стипендии, я остался в коллегии, страдая и терпя сожаление и уважение к моим бедным родителям. В этом искусстве я не продвинулся дальше свободы мочь выходить из дому и некой пользы, которую моему здоровью дало это упражнение.

Был такой профессор доктор Дон Педро де Саманьо де ла Серна. Те, кто знал маэстро и пытался быть учеником, могут предположить, чему он мог меня научить, и чему я мог у него научиться. Помню, как он читал мне и еще двоим членам коллегии по одной кастильской книге и однажды утром по дороге в университет потерял ее. Он развесил несколько объявлений, предлагая хорошее вознаграждение тому, кто ему ее возвратит. Книга так и не обнаружилась, из-за чего мы остались без науки и без маэстро, занимая кафедральный час ненужными и даже бессмысленными разговорами, новостями и зубоскальством» [5].

Материалы заседаний ученых советов Саламанки, Алькала свидетельствуют о далеко не безупречном поведении студенческого избранного меньшинства.

Впрочем, в отношении старших коллегий не столько дерзость молодости наносила урон идеалу их жизненного устройства. Со временем это устройство все больше утрачивало сходство с изначальными принципами и все меньше соответствовало уставам отцов-основателей. Исчезали такие важные характеристики старших коллегий, как их предназначение для бедных, распределение стипендий в пользу наиболее достойных, достаточные ресурсы для приюта своих членов. Из повседневной жизни уходила практика совместной трапезы, строгость в одежде, нарушались принципы затворничества и требование непрямого проживания в коллегии [8].

Старшие коллегии превращались в центры роскоши и помпы, утрачивая свое изначальное предназначение – служить поддержкой бедных талантливых студентов.

В целом очевидно, что жизнь вне стен университетских коллегий давала саламанкским студентам большую свободу, но вместе с тем порождала больше проблем, которые им самим приходилось решать. Пансионы в этом

смысле призваны были целесообразно обустроить студенческий быт под присмотром бакалавров, но в силу своей дороговизны были доступны лишь небольшому числу выходцев из состоятельных семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Beltran de Heredia V.* Cartulario de la Universidad de Salamanca. Salamanca, 1970.
2. *Sala Balust L.* Constituciones, Estatutos y Ceremonias de los Antiguos Colegios Seculares de la Universidad de Salamanca. Salamanca, 1966.
3. *Fuente V. de la.* Historia de las universidades, colegios y demas centros de ensenanza en Espana. 4 vols. Madrid, 1884–1889.
4. *Carabias Torres M.* Colegios Mayores: Centros de poder. V. II. Salamanca, 1986.
5. *Garcia Mercadal J.* Estudiantes, sopistas y picaros. Madrid, 1954.
6. *Sobaler Seco M. de los Angeles.* Los colegiales mayors de Santa Cruz (1484–1670): una elite de poder. Salamanca: Europa, Artes graficas, 1987.
7. *Febrero Lorenzo M.A.* La pedagogia de los Colegios Mayores en el Siglo de Oro. Madrid, 1974. 256 p.
8. *Rodriguez-San Pedro Bezares.* Vida estudiantil cotidiana en la Salamanca de la edad Moderna // Miscelanea Alfonso IX. 2001. Salamanca, 2002.
9. *Alejo Montes Francisco Javier.* La Universidad de Salamanca bajo Felipe II. 1575–1598. Burgos, 1998. 339 p.

Статья представлена кафедрой археологии и исторического краеведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 15 января 2004 г.